

0- 797995

На правах рукописи

ФИЛЕНКО Любовь Павловна

**РУССКИЙ КОСМИЗМ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ И РАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Белгород – 2012

Работа выполнена на кафедре философии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научные руководители: доктор философских наук, профессор
Римский Виктор Павлович
доктор философских наук, профессор
Трошихин Владимир Васильевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Королева Людмила Георгиевна
кандидат философских наук, доцент
Лыткин Владимир Владимирович

Ведущая организация **ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет»**

Защита состоится 31 октября 2012 г. в 16.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при НИУ «БелГУ» (308006 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

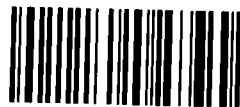
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан 29 октября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук, доцент

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000741842

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В наши дни мир переживает самый настоящий техногенный кризис, разрушающий природу Земли и природу человека. Разрушительные техногенные изменения вышли в ближайшие пределы космоса. Культурные стереотипы потребительского общества не просто исчерпывают жизненную силу современного человека и энергию общества, но парадоксальным образом перевоплощаются из норм повседневного благополучного быта в непосредственную угрозу бытия.

Значит ли это, что прогресс науки и техники ведет человека и человечество к неминуемой катастрофе, экологической, нравственной и цивилизационной? Не приблизились ли мы в своем потребительстве к эсхатологическому рубежу, и уповать стоит лишь на Бога в грядущем «страшном суде»? Подобный пессимизм характерен был в XX веке не только многим ученым и философам, но и получил распространение в массовом сознании.

В России, культурно-цивилизационное основание которой оказалось разорванным между Востоком и Западом, все противоречия бытия современного человека и человечества оказались наиболее болезненно обостренными еще на рубеже XIX-XX веков, что вылилось в тоталитарную революцию с ее утопическим зарядом построения «царствия небесного» на Земле, в определенные достижения советской цивилизации, но и в ее неизбежный слом уже в конце века. Но в России оказалась жива и традиция нравственно-философского понимания ограниченности наших земных усилий создания «царствия небесного» здесь и сейчас, сиюминутно, сведения его к комфорту и гедонизму, убивающих природу Земли, космоса и природу человека.

Это была *оптимистическая традиция*, «иная точки зрения»: взгляд на человека и человечество из Космоса, осознания себя как космического феномена и своей неразрывной, солидарной связи друг с другом, с Космосом и вселенским бытием. Эта была позиция ряда отечественных мыслителей, которые одновременно совместили в себе талант ученых-естествоиспытателей, философов и общественных деятелей. Речь идет о тех представителях русской и советской культуры, которые получили наименование «русских космистов» (прежде всего, об именах Н.Ф.Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского). В их научных, философских и нравственных поисках была выработана мировоззренческая стратегия культурного диалога с прошлым и будущим человека и человечества, сопряженного с идеями космического универсализма и свободы человека.

Все это и определило наш философско-теоретический интерес к критическому и объективному изучению и интерпретации русского космизма не только как направления в истории и современности отечественной науки и философии, но и уникального социокультурного проекта, в своей противоречивости порой открывающего новые горизонты в развитии человека и человечества.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема русского космизма только дилетанту может показаться мало изученным тематическим полем. Самый беглый библиографический обзор отечественной литературы и издательской продукции за последние полвека открывает сотни изданий текстов классиков русского космизма и научных публикаций, посвященных их жизни, идеям, научному и философскому творчеству.

Официальный научный дискурс уже в годы советской власти принял свои институциональные конфигурации: труды К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и даже религиозного мыслителя Н.Ф. Федорова. До начала 90-х годов прошлого века были проведены многие научные конференции, опубликованы статьи и монографии, подготовлены или защищены диссертации, посвященные их творчеству или философским проблемам космоса (например, работы Н.К. Гаврюшина, Ф.И. Гиренка и С.Г. Семеновой и др.). Интересно, что официальный диатрибический дискурс (учебники, энциклопедии и словари) очень долго остается или глухим, или односторонним в освещении философии русского космизма. Стоит только отметить пятитомную «Историю философии в СССР» (М., 1972) и первые тома «Философской энциклопедии». Однако вопреки официозу в институализации (легализации) и популяризации трудов и идей русского космизма приняли участие не только видные ученые и философы (А.Л. Яншин, А.В. Гулыга, Ю.А. Жданов, С.Р. Микулинский, Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул и др.), но и более молодое поколение исследователей (Н.К. Гаврюшин, Р.А. Гальцева, Ф.И. Гиренок, Л.В. Голованов, Д.Н. Ляликов, И.Б. Роднянская, С.Г. Семенова и др.). Многие из последних опубликовали буквально «прорывные» статьи в пятом томе «Философской энциклопедии» (1970), выпустили популярные биографии космистов, подготовили научные издания их трудов.

Действительно свободное исследование истории и философско-концептуальных оснований русского космизма продолжилось в последние два десятилетия. В это время достаточно полно изданы основные философские труды Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, как правило, хранившиеся в рукописях или в спецхранах, а также их соразработчиков, учеников и последователей (В.А. Кожевникова, А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, А.Л. Чижевского, В.Н. Муравьева и др.), введены в научный оборот идеи и труды новых ученых и философов, близких по концептуальным идеализациям к русскому космизму (Н.П. Петерсон, Н.А. Умов, Н.Г. Холодный и др.). Публикуются работы русских философско-эмигрантов по истории русской философии (Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского), в которых уже давно была дана достаточно объективная оценка идей русских космистов, прежде всего, Н.Ф. Федорова.

Русский космизм рассматривается в сложном диалоге с русской религиозно-философской традицией, но при этом в «космисты» попадают не только В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, которые действительно испытали влияние, например, Н.Ф. Федорова на

уровне личностных и идейных взаимоотношений, но и деятели «теософской традиции» (Е.П. Блаватская, Рерихи), русские и советские писатели и поэты (В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.А. Фет, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.В. Сухово-Кобылин, В.В. Брюсов, А.П. Платонов и др.). Такое расширение дискурса и предметности русского космизма было бы вполне понятным и оправданным при выявлении контекстов этого сложного философского и научно-мировоззренческого феномена, но не в прямом «зачислении» всех и вся в ряды «космистов» на волне падения идеологизированного «диалектического и исторического материализма», привнесения в научные тексты идеологический волнений, нарушения *меры объективности* и достоверности научно-теоретических исследований.

Надо сказать, эта мера, в основном была соблюдена и достигнута в статьях и монографиях Г.П. Аксенова, Л.И. Василенко, Н.К. Гаврюшина, А.Г. Гачевой, Ф.И. Гиренка, Л.В. Голованова, В.И. Дуденкова, В.П. Казаряна, В.П. Казначеева, В.В. Казютинского, О.Д. Куракиной, В.А. Кутырева, В.В. Лыткина, С.Г. Семеновой, С.С. Неретиной, А.П. Огурцова, В.Н. Сагатовского, А.Д. Урсула, Л.В. Фесенковой, С.С. Хоружего и многих других. В работах этих и других авторов продолжилась концептуализация, рациональная реконструкция, логическое и историко-философское конструирование концепта и концептуальных оснований русского космизма. Определенное признание русский космизм получил и у зарубежных исследователей (Л. Козр, М. Хагемайстер, М. Лапка, С. Лукашевич, И.Б. Михеева, К.Б. Серафимов, Шлапенток, А. Тэски и др.).

Конструктивная научная работа рационализации и институализации научного и философского дискурса, концептуализация основных проблем всегда находит завершение в диссертационных исследованиях. В последние десятилетия по проблемам русского космизма были защищены многочисленные кандидатские и докторские диссертации (различные специальности и направления) С.Р. Аблеева, М.А. Абрамова, Т.В. Абрамовой, Н.В. Башковой, Е.В. Введенской, В.Н. Дёмина, Н.М. Ефимовой, Н.В. Исаковой, С.Н. Касаткиной, О.В. Кашириной, Г.П. Ковалевой, А.А. Кожурина, О.М. Корженко, С.В. Кричевского, В.В. Макогонова, И.С. Овечкиной, С.В. Останиной, А.М. Панкрушиной, А.И. Парфеновой, Н.А. Перекусихиной, Д.В. Платоновой, Е.Е. Пурто, И.П. Савельевой, И.Ю. Салминой, Н.В. Самсоновой, А.С. Скачкова, А.В. Суслова, Н.В. Турпак, А.О. Туфанова, Л.И. Хохловой, Н.В. Чемерисовой, Э.Г. Яблонского и многих других.

И, наконец, результаты рационализации дискурса русского космизма получили завершение, по терминологии М.К. Петрова, в общенациональном тезаурусе – многочисленных учебниках и учебных пособиях, словарных и энциклопедических статьях по персоналиям и основным концептам «космической философии». Особенно следует выделить работы А.Ф. Замалева, А.А. Галактионова, Ф.Ф. Никандрова, М.А. Маслина, и др.;

энциклопедические издания «Русская философия. Малый энциклопедический словарь» (М., 1995), «Русская философия: Энциклопедия» (М., 2007); «Новая философская энциклопедия» (М., 2002).

Однако, даже среди авторов, давно, серьезно и достаточно солидарно изучавших русский космизм, наметились противоречия и расколы. Возникли даже понятия «антикосмизма» и «антикосмистов», приобретающие оттенок идеологических ярлыков, а сам дискурс «русского космизма» стал приобретать в постсоветском коммуникативном пространстве (особенно в интернет-коммуникациях) черты культурно-идеологической проективности и субкультурности.

Все это позволило нам в нашей диссертации выдвинуть **проблему**, которую попытаемся разрешить: является ли «русский космизм», зафиксированный современными исследователями в 60/90-е годы прошлого века в качестве отдельного течения (направления) в истории русской и советской философии и науки, философско-теоретическим концептом, содержащим рациональное понятийно-категориальное содержание и отражающим конкретные реалии XX века и имеющим собственные культурно-исторические и экзистенциальные контексты, или социокультурным проектом, возникшим на основе интерпретации текстов и идей определенного круга мыслителей и ученых (Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и др.) и решающим политико-идеологические, мировоззренческие, культурные и другие задачи философии, науки, общества и части интеллектуалов в СССР-России XX - XXI веков?

Исходя из вышесказанного, мы выделили **объект** нашей диссертационной работы: *русская философия как социокультурный феномен.*

Предмет исследования – *русский космизм как философская концептуальная система и социокультурный проект.*

Цель диссертационной работы – *выявление рационально-понятийных, идеологических, религиозных и экзистенциальных смыслов базисных концептов философии русского космизма в их проективном культурно-мировоззренческом горизонте.*

Реализация поставленной цели обусловила постановку и решение конкретных задач:

- выявить основные механизмы генезис термина и концепта «русский космизм» в современном отечественном философском дискурсе;
- эксплицировать культурно-идеологические и экзистенциальные контексты и смысловое пространство дискурса русского космизма;
- исследовать динамику институализации дискурса и социокультурного проекта русского космизма в советской и постсоветской России;
- произвести рациональную реконструкцию и концептуальное конструирование русского космизма как философского направления.

Теоретико-методологические основы диссертационной работы обусловлены спецификой объекта и предмета исследования, требующих использования разнообразных принципов, методов и подходов, позволяющих реализовать поставленные цель и задачи.

Диссертант опирался как на традиционные принципы и методы философии (историзма, диалектики логического и исторического, конкретно-всеобщего, единства онтологического и гносеологического анализа, социально-исторической обусловленности философии, в том числе и принцип детерминации через традицию), так и на контекстную методологию, методологию культурной семиотики, дискурс-анализа концептов, социальной (исторической) эпистемологии, методологию «тезаурусной динамики» М.К. Петрова.

Мы использовали методы историко-философского исследования (анализ и интерпретация первоисточников, их теоретическое осмысление, биографическая реконструкция, сравнительная характеристика философских взглядов мыслителей и философских направлений и школ).

В качестве источников в диссертации использовались работы классиков отечественной философской традиции русского космизма, современных зарубежных и отечественных философов и культурологов.

Мы старались выйти за идеологические, аксиологические и мировоззренческие ограничения в интерпретации феномена русского космизма, опираясь на принципы толерантности, достоверности, проверяемости, критичности и объективности в научных исследованиях.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующих результатах:

- выявлено, что термин и концепт «русский космизм» входят в современный отечественный философский дискурс в конце 60-х годов XX века и актуализируют целое концептуальное поле, связанное с концептами «проект», «жизнь», «смерть», «бессмертие», «ноосфера» и т.д.;
- эксплицированы культурно-идеологические и экзистенциальные контексты и смысловое пространство дискурса русского космизма, которые позволили выявить специфику сложного диалога в современной российской культуре с русской философской традицией, создающего предпосылки для рационализации истории отечественной культуры и философии;
- впервые исследована тезаурусная динамика концепций русского космизма, которая привела к институализации дискурса и социокультурного проекта неокосмизма в советской и постсоветской России;
- произведена рациональная интерпретация, реконструкция и концептуальное конструирование русского космизма как национальной версии философии жизни – русской философии космической жизни.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Можно выделить ядерные концепты, определившие смысловое поле философии русского космизма. *Концепт «проект»* стал определяющим в

текстах и контекстах работ Н.Ф. Федорова, опиравшегося в рамках своего «проекта воскрешения» на инженерно-техническое знание, а вся традиция «русского космизма» имеет, на наш взгляд, в качестве первого из *специфических признаков* именно *проективность как антропологический активизм*. Это же надо сказать и о *концепте «космос»*, получившем наибольшее распространение и обоснование в «космической философии» К.Э. Циолковского. *Космизм* – второй специфический признак философии русского космизма. В научном мировоззрении В.И. Вернадского превалировал *концепт «жизнь»*, определяющий третий специфический признак философии русского космизма. Все эти концепты в сложном диалоге основных идей трех ведущих персоналий философии русского космизма заложили смысловое единство, определившее его существование не только как философско-теоретической системы, но и социокультурного проекта.

2. Экзистенциальные, образно-символические и метафорические смысловые пласты концепта «русский космизм» сыграли свою роль в возникновении из него путем конструирования и проектирования *направления «постсоветского неокосмизма»*, в котором перемешаны такие духовно-нравственные, интеллектуальные и религиозные искания, которые восходят к «серебряному веку» с его «новым религиозным сознанием», «модернизмом», «авангардизмом», «футуризмом» и «пролеткультом». В этом, к сожалению, а не только в рационализации, выразилась институализация концепта «русский космизм» в дискурсе 90-х годов и идет вплоть до наших дней. Таким образом, в нашей стране в последние десятилетия проявлялись, прежде всего, культурно-идеологические (политические, религиозно-мифологические) и экзистенциальные (антропологические, этические, аксиологические) смыслы и контексты концепта и дискурса русский космизма.

3. Под институализацией концепта и дискурса русского космизма мы понимаем, во-первых, его *рационализацию* в публикациях первоисточников, статей и монографий, эксплицирующих их содержание и вычленяющих рационально-понятийное содержание концепций, проведение научных конференций и дискуссий, затем их легитимацию в словарных и энциклопедических статьях, учебниках (вузовских и частично школьных) и, тем самым, вписывание концептуального *научно-философского знания о космической жизни* в специализированный и национальный тезаурус (социокоды), а в идеальном варианте – и в общемировой тезаурус. И, во-вторых, институализация и рационализация русского космизма в советскую и постсоветскую эпохи предполагала и предполагает его *легитимацию* в культурно-идеологическом пространстве в качестве социокультурного проекта.

4. *Специфика философии* русского космизма состоит в том, что это именно «космическая философия жизни», в которой не столько концепт «космос», а концепт «жизнь» является тем *смысловым ядром*, которое организует все смыслообразы русских космистов в единое семантическое и

эпистемологическое поле, в котором и этическая онтология, и «антропокосмизм», и «активный эволюционизм», и «смерть», и «бессмертие» получают совершенно иное, по сравнению с западными версиями философии жизни, измерение – прежде всего, религиозно-философское. И здесь уже не важны ссылки К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского или В.И. Вернадского на их «материализм» или «натурализм». Перед нами именно религиозно-метафизическая, русская *«философия космической жизни»*.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в построении комплексных программ противодействия религиозному экстремизму, совершенствования мер борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут применяться при разработке курсов по религиоведению, истории и философии религии, философской антропологии.

Апробация работы. Основные результаты исследования были изложены в выступлениях на международных и всероссийских конференциях: Региональная научно-практическая конференция «Интеграция науки, практики и образования потребительской кооперации» (Белгород, 2006); Региональная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и аспирантов «Актуальные проблемы и перспективы развития российской кооперации» (Белгород, 2007); Региональная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и аспирантов, посвященная 30-летию создания Белгородского университета потребительской кооперации «Место и роль кооперации в российской экономике» (Белгород, 2008); Региональная научно-практическая конференция «Методологическая и мировоззренческая культура: проблемы исследования и опыт преподавания» (Белгород, 2008); Международная научно-практическая конференция «Теория и практика инновационного развития кооперативного образования и науки» (Белгород, 2010); Международная научно-практическая конференция «Наука и кооперация: проблемы и пути развития» (Белгород, 2011); «Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире»: VI Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов (Белгород, 2011); XLVII Научные чтения памяти К.Э. Циолковского «Идеи К.Э. Циолковского: прошлое, настоящее, будущее» (Калуга, 2012).

Результаты диссертационного исследования использовались в процессе преподавания дисциплин «Основы философии», «История» и «Отечественная история» в Белгородском университете кооперации, экономики и права.

По теме диссертации опубликовано 15 научных работ (в том числе 2 статьи в журналах из списка ВАК) общим объемом 6,4 п.л. Диссертация

обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры философии НИУ «БелГУ».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав и четырех параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, дается характеристика степени её разработанности, формулируются проблема, цель и задачи исследования, раскрывается его научная новизна, выносятся тезисы на защиту, определяются теоретико-методологическая база, а также теоретическая и практическая значимость, сообщается об апробации основных идей диссертации.

В *первой главе* «Русский космизм между философско-теоретической реконструкцией и культурно-идеологическим конструированием» дан критический анализ «русского космизма» как концепта, конструкта и дискурса, а также выявлены его рациональные, культурно-идеологические и экзистенциальные смыслы.

В *первом параграфе* «Генезис термина и концепта «русский космизм»» мы стараемся проследить происхождение и «судьбу» термина и концепта «русский космизм», предварительно ответить на вопрос о специфике русского космизма: что он из себя представляет – вполне рациональный философско-теоретический концепт, обладающий, в том числе, и спектром экзистенциальных и культурных смыслов, или культурно-мировоззренческий и идеологический конструкт, решавший и решающий какие-то групповые проблемы узкого круга современных российских интеллектуалов?

Мы исходим из методологии «тезаурусной динамики» (М.К. Петров), предполагающей, что главную роль в «специализированном» научном углублении «национального универсального тезауруса» принадлежит *учебникам и энциклопедиям*, которые выступают основной формой *трансляции нового знания* с «переднего края науки» в систему школьного и вузовского образования. Они и являются *фактом закрепления «научного тезауруса»* как «специального» в «универсальном» и общедоступном (энциклопедиях и учебниках). Такое исследование применительно к «русскому космизму» реализовано впервые.

Мы проследили судьбу «русского космизма» в «национальном тезаурусе», так как в «мировой» он вышел пока только в ограниченном виде. «Тезаурусное», знаковое бытие социокодов предполагает в самом истоке фиксацию знания в *термине и концепте*, любой концепт предполагает первичное рождение и закрепление в термине, изначально несущем различные, однозначные и неоднозначные смыслы, что затем находит продолжение в рационализации концептуальной, понятийной и, наконец, теоретической.

В литературе встречаются разные отсылки к временам рождения термина «космизм» (правда, без спецификации «русский», хотя она напрашивается из контекста высказываний): высказывания В.Я. Брюсова, тексты К.Э. Циолковского и др. Но можно с уверенностью сказать, что термин «русский космизм» впервые в *актуальный* отечественный философский дискурс введен Р.А. Гальцевой в конце 60-х годов при подготовке последнего тома «Философской энциклопедии». Спор о «терминологическом приоритете» имеет лишь тот смысл, что уже и в таком ракурсе позволяет опровергнуть скептическое высказывание М. Хагемайстера о том, что не было «живой традиции» русского космизма. Терминологическая, языковая традиция была. Что может быть живее языка?

В этой связи надо было попытаться ответить не только на вопрос «как родился концепт «русский космизм»?», так как генезис термина хотя и проясняет в определенной мере ситуацию рождения концепта, но не объясняет все многообразие его контекстов и смыслов. Современные постструктуралисты (Ж. Делез, Ф. Гваттари), понимая философию как «искусство изобретения концептов», подчеркивают личностно-экзистенциальный характер концептов, но и оперируют в их интерпретации определенными метафорами-персонализациями, говоря о «*концептуальных персонажах*». На наш взгляд, такими мифологизированными концептуальными персонажами в случае «русского космизма», выступившего исходным концептом, стали не только «космос», «проект», «ноосфера», но, прежде всего, «жизнь», а также сами персоналии «русских космистов».

Во *втором параграфе «Культурно-идеологический и экзистенциальный контекст дискурса русского космизма»* ставится проблема выяснения смыслов, заложенных в концептный ряд «русского космизма» в его культурно-идеологическом и экзистенциальном бытии в советских и постсоветских коммуникативных контекстах. В реальном бытии культуры и жизнедеятельности человека, в том числе и мыслительной, мы практически всегда имеем дело с концептами, нагруженными коммуникативными, культурными, идеологическими и экзистенциальными контекстами, а тем самым и смыслами.

Это и надо иметь в виду, когда мы обращаемся к рассмотрению концептов (прежде всего, «космос», «жизнь», «ноосфера», «проект» или «русский космизм»), как они формировались в начале XX века у творцов русского космизма, а затем в научной и публикаторской деятельности тех или иных *современных* авторов, конструирующих их и вводящих в специфический дискурс и культуру конца столетия, отмеченного падением советской системы. Что касается первой задачи, которую мы решаем в этом параграфе, то нами отмечено, что одним из первых попытался выявить смысловую многослойность концептов и дискурса русского космизма Н.К. Гаврюшин, который прямо указал на *технократизм*, как один из главных

смысловых аксиологических узлов концепта «русский космизм», заявлял о его родстве через *утопизм* с марксистской тоталитарной идеологией.

Мы думаем, что технократизм сам по себе у всех «русских космистов» уходит корнями в ту атмосферу *сциентизма*, которая родилась в контексте *позитивизма* XIX века. Однако основные представители русского космизма не были узкими «сциентистами», а вполне трезвыми учеными и мыслителями в оценке *границ и горизонтов науки* и научно-технического прогресса. К.Э. Циолковский на вопрос о сроках освоения космоса человеком давал не только трезвую и критическую оценку социальной и антропологической границы научно-технического прогресса, но и *объективную оценку* того «реального социализма», в котором жил тогда ученый. Действительно, и Н.Ф. Федоров, и К.Э. Циолковский призывают к горизонтам построения новой цивилизации, существенным образом отличающейся от современной (индустриально-капиталистической и индустриально-социалистической). Но внимательный анализ и объективная, с учетом культурно-исторических контекстов интерпретация их работ показывает, что отличие их проектов от проектов «классиков утопизма» отличается, прежде всего, *рационально-научной природой* построений: он содержит элементы научно-прогностической, *футурологической модели* будущего общества. Здесь перед нами явно уже не «классическая утопия», а рождение *футурологии как специальной научной дисциплины*. Наверное, можно разделить в наследии русских космистов действительный утопизм и рождение *научного, футурологического знания*, которое на Западе стало развиваться гораздо позже (или параллельно?).

Относительно «тоталитарных пятен» русского космизма, то, действительно, можно найти и упоминания о том, что некоторые русские космисты прямо шли на сотрудничество с советской властью (В.Н. Муравьев, космисты из среды евразийцев и т.д.); другие, так или иначе, от нее получали почести (например, В.И. Вернадский), идейно и личностно были инкорпорированы в коммунистическую идеологию и мифологию. Но, мы думаем, что все обстояло гораздо сложнее. Очевидно, что достаточно объективные исследования тоталитарной и технократической мифологии прошлого столетия показывают, что она скорее составляла *культурно-идеологический контекст* русского космизма, а не только впитывала его идеи в свою ментальную фантазмагорию. Несомненно, не все так просто обстояло и во взаимоотношениях крупных (и обыкновенных) ученых с тоталитарным режимом. Для таких людей на первом месте стояли интересы науки и России.

Обращаясь к вопросу о религиозности и отношении русских космистов к религии, в частности, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, надо отметить, что и они опять же не являются такими уж однозначными (в случае с Н.Ф. Федоровым несколько проще). И здесь вряд ли стоит упрекать К.Э. Циолковского в *наивном использовании* мифологем и концептов буддизма, теософии и оккультизма, а тем более в некритическом восприятии

– они для него были, как и другие верования, не более чем «культурным продуктом», к которому он относился вполне рационально, критически.

Что же создало атмосферу интереса к русскому космизму уже в наши дни? Если вспомнить, то уже в 60-е годы и на Западе, и в СССР стала *актуальной тематика «покорения космоса»*, которая была вполне «рациональной», что также вполне способствовало рождению концепта «русский космизм» и интересу к этому феномену, хотя и этот дискурс оказывался встроен в политико-идеологическое соревнование «двух систем». Как видим здесь, у истоков рождения и актуализации концепта «русский космизм» соседствуют как *политико-идеологические смыслы*, так и вполне *рациональные, научно-теоретические и практические*.

Еще более рациональный смысловой пласт концепта «русский космизм» был скрыт в *экологической проблематике*, которая стала не просто модной и актуальной в 70-е годы, но и экзистенциальной, как в личностном, так и социальном планах, как для Запада, так и для СССР. Многие считают, что именно здесь концепт «русского космизма» оказался *сконструирован* в духе «энвайронментализма», а потому и не имеет рационального смысла. Да и его, мол, как направления, и вовсе не было. Мы думаем, если и имел факт конструирования, а он всегда имеет место, когда актуализируется тот или иной концепт или даже просто ведется рациональное научное исследование и создание концепции, то он происходил и на Западе – там энвайронментализм, скорее всего, сыграл в конце прошлого века ту же роль (идеологическую, рациональную, экзистенциальную и т.д.), что и «русский космизм» в нашей стране.

Важный пласт составляли и *религиозно-экзистенциальные контексты и смыслы* концепта и дискурса русского космизма, которые были связаны, прежде всего, с «религиозными исканиями» советской интеллигенции 60/80-х годов. И у нас, как и на Западе в связи с общим контркультурным движением молодежи 60/80-х годов прошлого века, накатилась волна «неомистицизма» и «нетрадиционной религиозности». Это также оживило интерес к русскому космизму. Как ни парадоксально, в этой ситуации оказались востребованными именно *идеи русских космистов* с их увлечением научным и антропологическим «пограничем», специфически переинтерпретированные и перекодированные в духе неомистицизма, о чем и предупреждал накануне этой волны А.Л. Чижевский в своих мемуарах. Оказалось, что художественно-фантастические образы «высших существ» в литературных записках К.Э. Циолковского на десятилетия опередили Голливуд, а идеи Н.Ф. Федорова о бессмертии и воскрешении мертвых оказываются созвучны не только современным паранаучным опытам, но и вполне трезвым научным исследованиям.

Разумеется, рождавшийся концепт и дискурс русского космизма всегда таил в себе *образно-символические и метафорические смыслы*, порожденные экзистенциальными исканиями, и сейчас далек от полной рационализации (а нужна ли она вообще, эта полная рационализация?). Но пугает другое. Почти

религиозная фанатичность некоторых современных «космистов», в идеях, поведении и коммуникативной солидаризации которых просматривается явная аналогия с современной субкультурной религиозностью и неомистицизмом, который постоянно апеллирует к науке, вернее, к ее превращенным и альтернативным феноменам, возникающим на границах научного знания.

Следует отметить и тот факт, что, к сожалению, начиная с 70-х годов прошлого века и до сих пор, идеи русского космизма, как и традиционное православие и теософия, технократизм и трансконфессиональная вера, еретизм и внеконфессиональная мистика, религиозные и натуралистические философии, порой оказываются *перемешаны в головах одних и тех же людей*. Вот это то и удручает. Это наиболее *мифологичный, иррациональный пласт* в культурно-идеологических и экзистенциальных смыслах и контекстах не только концепта и дискурса русского космизма, но и всего отечественного, философского и интеллектуального, постсоветского культурного пространства.

Но имелась мощная рационально-научная и рационально-философская составляющая (здесь особо оказались востребованными идеи В.И. Вернадского о ноосфере, причем, не только у нас, но и на Западе, которые вошли в уже совершенно актуальные, злободневные контексты), которую мы также обнаружили в нашем исследовании. Именно в этом рациональном пространстве русского космизма начинался *сложный диалог* не только интеллектуалов, но и всей советской и постсоветской интеллигенции со своим прошлым, с российским культурным наследием, с русской философской традицией. В диалоге со своей собственной культурной традицией эксплицировались не только концепции русского космизма и выявлялись новые направления научного и философского понимания действительности, но и начиналось переосмысление и неидеологическая рационализация истории русской философии.

Во **второй главе «Русский космизм в современном социокультурном диалоге»** диссертант дает собственное понимание сложных процессов институализации и рациональной реконструкции русского космизма как дискурса, социокультурного проекта и философской программы в постсоветской России.

В *первом параграфе «Институализация дискурса и социокультурный проект русского космизма в советской и постсоветской России»* рассмотрена проблема рациональной – теоретической и практической – институализации дискурса русского космизма и его превращение в культурном диалоге постсоветской России в специфический социокультурный проект, со всеми его плюсами и минусами, мощным энергетическим зарядом социального преобразования действительности, выраженным порой в превращенных, культурно-идеологических формах. Отмечается, что определенные рационализирующие процедуры экспликации, концептуализации и легитимации

(институализации) дискурса русского космизма начались уже в 60/80-е годы XX века.

Это были как раз те новые, в определенной мере альтернативные формы институциональной организации советской науки, которые вели к ее трансформации на путях освобождения от тоталитарного властного дискурса и административного диктата. Здесь, на наш взгляд, эффективно работает методология тезаурусной динамики М.К. Петрова. В этом отношении система концептов русского космизма как базисное основание его научно-философских программ должны были пройти сквозь эту дискурсно-тезаурусную динамику, чтобы получить первоначальную *институализацию (легитимацию)* как в специализированном дисциплинарном тезаурусе (философском и научном), так и в общенациональном и мировом. Перед нами в таком понимании налицо *феномен институализации знания*, которое первоначально вырабатывается в *научных коммуникациях* – эксперименты и их описание, конференции с докладами и дискуссиями, издание журнальных статей и монографий, в которых и происходит *первичная концептуализация*, а затем и *теоретическая рационализация* знания – с их механизмами *приращения знания* и включения его в наличный научный тезаурус через механизмы ссылок, создания гипотез и «точек зрения», их критики и опровержения. При этом важную роль играет не только появление, интеграция и легитимация того или иного знания (концепций и теорий) в «национальном тезаурусе», но и включение *новых научных знаний* в «универсальный мировой тезаурус». Вот эти-то «специфичные» дискурсы и формы коммуникативной институализации и следует различать, чтобы пройти между модернизацией и идеологизацией конкретно-исторического феномена русской философии, ее школ и направлений в то пространство, где могут быть найдены именно *рационально-понятийные значения* и выработать рационально-теоретическое понимание русского космизма.

Итак, как же шла эта институализация дискурса русского космизма? Разумеется, первоначально необходимо было ввести в научный и культурный оборот не просто *научные* достижения и тексты русских космистов, которые, как мы отмечали выше (по крайней мере, относительно В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского), уже относительно были признаны в отечественной науке и идеологии 40/60-х годов XX века и были опубликованы, но именно их *философские идеи и тексты* до 70-х годов фактически находились под запретом, оставаясь чаще всего в рукописях или спецхранах. Именно с этих публикаций не только литературная, научная и философская интеллигенция, но и советские партийные аппаратчики обратили внимание, что прогностический пафос работ К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского как-то «вписывается» если не в «построение коммунизма», то уж точно в позиционирование «развитого социализма» на мировой арене, где в это время набирали силу экологические и пацифистские движения, рождалась биоэтика и экологическая этика. При этом здесь особо оказались востребованными идеи В.И. Вернадского о ноосфере, причем, не только у

нас, но и на Западе. И если относительно оттенка сциентистского мистицизма и элементов натурфилософского пантеизма К.Э. Циолковского еще могли возникнуть «идеологические сомнения и оговорки», то относительно В.И. Вернадского, строго ученого, таковых не возникало. Интересно, что в последующем постановка В.И. Вернадского в один ряд с Н.Ф. Федоровым и К.Э. Циолковским будет служить не только легитимации последних как ученых-самоучек, но и их религиозных, мистических и пантеистических идей.

Надо признать, что, *настоящий прорыв* прорыв был сделан С.Г. Семеновой, опубликовавшей совместно с А.В. Гулыгой сочинения *религиозного* философа Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие» в 1982 г., что было подобно взрыву бомбы. В этом плане интересно проследить и *стилистику легитимации концептов и идей* Н.Ф. Федорова в контексте и дискурсах той эпохи. Это предполагало включение нового знания в консервативно-идеологические властные дискурсы и догматизированные тезаурусы (ох, как устойчивые!) той эпохи, прямо соотносилось с практикой функционирования науки как специфического социокода, динамичного тезауруса и коммуникативной системы, в основании которых лежит *публикация*, статьи или монографии. Примером может служить вступительная статья С.Г. Семеновой к публикации работ Н.Ф. Федорова в серии «Философское наследие». Разумеется, легитимация Федорова проходила через этапный почти постмодернистский советский дискурс: цитата из Федорова или комментарий к его идеям во вступительной статье подкрепляется цитатой автора, не нуждающегося в идеологической легитимации или на тот момент уже служащего безусловным литературным, философским или научным авторитетом. Иногда цитата наезжала на цитату, ссылка на ссылку, создавая эффект *метатекста* с глубоким подтекстом и иерархией текстов, что создавало такой нарратив, в котором мог разобраться только профессионал или грамотный редактор, но никак не цензор (грамотными профессионалами они бывали редко).

Следующий закономерный этап – популяризация, вписывание новых идей (концепций, имен и т.д.) в общенациональный тезаурус, что предполагает их введение в контекст диатрибический – антологий, хрестоматий и учебников. С.Г. Семенова внесла также свой вклад итоговой тезаурусной публикацией «Русский космизм: Антология философской мысли» (1993). Несколько позже появились и первые учебники, в которых русский космизм был институализован уже в «общенациональном тезаурсе». Казалось бы, закончился *первый*, советский период институализации русского космизма. И далее дело, по логике, должно было идти только в русле той *рационализации*, которая и состоялась на момент крушения СССР, пусть и с некоторыми перегибами в сторону «идеологического рынка» (М.К. Петров писал, что «продукты науки обретают политическое бытие», благодаря «фильтру рынка», хотя он имел в виду «рынок экономический», но в нашей стране эти два рынка остаются, увы, взаимосвязанными и

взаимозависимыми). Но в «свободной России», не стесненной цензурой и идеологией, все оказалось гораздо сложнее.

Все дело в том, что в этот период сложился такой стиль цитирования и экспликации идей и концептов, где часто *смешиваются идеологический и научный дискурс*, чем и грешат многие современные авторы, пишущие о русском космизме. Это играет очень неприятную роль, порождая псевдонаучный и паранаучный нарратив, чреватый мифологизацией и действительности, и интерпретируемых идей ученых и мыслителей, и самой науки. Особенно злые шутки затем играет история написанных текстов с их авторами, когда эти тексты начинают жить «объективированной», самостоятельной жизнью в научных социокодах и тезаурусах., особенно растиражированных в эпоху интернет-коммуникаций.

Ситуация не только в мировом, но и в отечественном социально-гуманитарном знании, особенно после падения стены «тоталитарного марксизма» и нормативности «советской науки», характеризуется тем, что нормы научности, логические и этические, стали не обязательными. Где же выход из этих ментальных, идеологических и эпистемологических парадоксов? Нам всем не хватает «присутствующего разума» (Дж. Александер) не только в наших исследованиях и интерпретациях отечественной истории, в том числе истории русской философии, но и в экспликации современности, в полемике и диалоге друг с другом. Тем более, внимательно надо подойти к тому факту, что приобретя популярность и войдя в общенациональный российский тезаурус, вполне рациональный дискурс русского космизма постепенно стал превращаться в социокультурный проект, имеющий как заряд позитивной, так и негативной энергетики. Мы фиксируем тот факт, что в условиях постсоветской России, повальное увлечение «русским космизмом» (берем в скобки, так как «увлечение», как и «прельщение», всегда имеет дело с неким неистинным, фантомным бытием) легло в основание создания некоего социокультурного проекта.

На наш взгляд, параллельно рациональным программам (научным и философским) введения концептуальной системы русского космизма в дискурсы постсоветской России возникла угроза потери его предметной, коммуникативной и стилистической специфики как научно-мировоззренческого и философского феномена. На волне проведения многочисленных конференций, открытия сайтов в интернете, посвященных космизму, популяризации персоналий и идей, рациональный научный и философский дискурс начал не просто расширяться, но и размываться, а русский космизм не только входит в моду, но и превращаться в специфический культурно-идеологический конструкт. Обозначился явный рост паранаучных и псевдофилософских публикаций, особенно связанных со свободным пространством интернет-коммуникаций, псевдокосмистские рассуждения проникли не только в популярные издания, но и в школьные учебники. Некоторые культурно-общественные движения, занимающиеся

популяризацией космизма, начали приобретать черты субкультурности на грани «нетрадиционной религиозности».

Во *втором параграфе «Рациональная реконструкция и концептуальное конструирование русского космизма»* мы ставим не только проблему методологического обоснования рациональной реконструкции и концептуального конструирования русского космизма, но и поиска в его наличном бытии перспективных научно-философских программ, отвечающих на культурно-цивилизационные вызовы современности. Мы вполне себе отдаем отчет, что в данном параграфе можно представить *лишь философско-методологическую* схему реконструкции концептуальной специфики русского космизма.

Следует отметить, что в современной философии до сих пор отсутствуют достаточно осознанные и разработанные методологические принципы и инструменты для проведения обозначенных мыслительных процедур и исследовательских поисков, если не считать работ М.К. Петрова, З.А. Каменского и некоторых других специалистов, близким нам по научному дискурсу. Возникает и необходимость методологического самоопределения, связанная с преодолением искушений в виде «мировоззренческих пристрастий» исследователей (в постсоветском космизме наиболее наглядно представлено в споре двух конфессионально ориентированных православных исследователей – Н.К. Гаврюшина и С.Г. Семеновой).

Перед нами стояла задача отбора, редукции, реконструкции и классификации персоналий и временных границ русского космизма как национального философского направления в контексте мирового историко-философского процесса. История дискуссионного осмысления феномена русского космизма, его персоналистической классификации, типологии и выявления философской специфики сравнительно недавняя и происходила в основном последние два десятилетия. В ходе диалога мнений и дискуссий (хотя прямых дискуссий было мало) произошли изменения в существующей терминологии, были произведены определенные концептуализации.

Подводя итоги дискуссий по обозначенной проблематике, надо отметить, что *предельно широкая классификация по персоналиям* русского космизма как философского направления, которую можно выделить, рассматривает изучаемый феномен не только как «новое течение», возникшее в русской философии конца XIX – начале XX века, но и как имеющее интеллектуальные истоки чуть ли не во всей мировой философии, глубокие традиции в отечественной культуре. Пишут о ментально-фольклорных, «языческих» и «христианских» «корнях» и «предпосылках» «русского космизма». В «предпосылки» попадают и античные философы, и гностики, и христианские мистики средневековья, и немецкая классическая философия в лице Шеллинга, и западноевропейские романтики, писатели и мыслители. Такой подход предполагает, что помимо основного «научного и философского ядра» (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский)

идеи «космизма» уже присутствуют в русской фольклорной традиции, русской поэзии (М.В. Ломоносов, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.А. Фет, В.В. Брюсов, Н.А. Заболоцкий и др.), в прозе (В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Платонов и др.), в музыке (Чайковский, Скрябин, Рахманинов), в русской философии XIX-XX веков (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.), в живописи (Нестеров, Рерих), в науке (Н.А. Умов, А.Л. Чижевский, Н.Г. Холодный и др.). В этот расширительный «космический поминальник» заносят еще и теософскую традицию (Е.П. Блаватская, Рерихи, Д.Л. Андреев и т.д.), что при таком подходе вполне уместно.

Примером может служить и крайнее, *наиболее узкое* и, наверное, *слишком критичное и рациональное* определение круга идей, персоналий и временных рамок «русского космизма». Оно, наверное, методологически наиболее осторожное и одновременно оригинальное, как и все понимание истории и специфики русской философии. Мы имеем в виду, прежде всего, интерпретацию «русского космизма» А.Ф. Замалеевым, который относит этот феномен (со ссылкой на А.А. Любичева, весьма остроумно и не без смысла!) к разновидности «апокрифической философии». Однако, есть и еще более «крамольные» подходы к пониманию истории русской философии, когда интерпретаторы истории русской философии *вообще не упоминают о «русском космизме»* и пишут лишь об отдельных его представителях. Это крайне «узкое понимание» фактически утверждает, что «русский космизм», если и имеет *собственную специфику*, то не столько в круге идей, порой совершенно или тривиальных, заимствованных, или общеизвестных, или совершенно фантастических, мифологических и утопических, сколько в своей *проективности*, сближающей его с «русским марксизмом»; он зародился, развивался и существует именно как маргинальное, *проективно-идеологическое движение в культуре, философии и науке*.

Разрешение этой непростой эпистемологической ситуации мы видим в выходе из дискуссионного поля на метауровень методологии, предполагающий взгляд сверху на специфику русского космизма, с точки зрения таких «философских дисциплин» как философия культуры и философия науки. Здесь необходимо ответить на вопрос о детерминации той или иной философской системы или философского направления традицией, по выражению З.А. Каменского. Но связь по традиции – это связь с мировой историей философии, с мировой философской традицией. И вот здесь авторы, некритически настроенные в интерпретации русского космизма, и видят основание для «широкой» его интерпретации, находя космизм чуть ли не у всех и вся. Есть попытки поставить русский космизм в контекст мировой истории философии, не выходя за рамки «социальной детерминации» периода «мирового модерна», перехода от традиционной цивилизации к индустриальной в XIX-XX веках. Имеется достаточно взвешенная позиция А.П. Огуцова, который приводит для сравнения с русским космизмом конструкты в основном западных представителей неклассической

философии, дает собственную спецификацию «космизма вообще» через четыре признака, что опять же позволяет в космисты записать всех – от досократиков и христианских мистиков до Т. де Шардена и Хайдеггера. Тогда пропадает «национальная специфика». И мы видим, как некоторые авторы пытаются это преодолеть и конструируют определения специфики русского космизма как «антропокосмизма», «ноосферизма» или «активного эволюционизма», которые будто бы служат для утверждения его уникальности, но при этом опять же ссылаются на «широкий мировой контекст»... Получается замкнутый логический круг. Как его преодолеть? Слишком широк «русский космизм» и «космизм вообще», надо сузить...

Каковы основания этого «сужения»? Мы предлагаем взглянуть более критически на концепт, который лежит в основании всех без исключения интерпретаций космизма – *концепт «космос»*. Был ли он фундаментальным безо всяких модификаций для русского космизма или увязан с другим, не менее онтологичным и именно специфичным для *неклассической версии* мировой философии? Таким для нас выступает *концепт «жизнь»*, который сразу же связывает русский космизм с мировой традицией в лице неклассической философии жизни. Во многих исследованиях (особенно в работах С.Г. Семеновой) много внимания уделено тому, что русские космисты, особенно Н.Ф. Федоров, постоянно критикуют не только классическую философию в лице Канта или Гегеля, что было общим для того времени рубежа веков, но и неклассическую философию жизни – прежде всего, в лице Ницше, хотя в это революционное время для большинства в России «певец европейского нигилизма» являлся непререкаемым авторитетом. Но философия жизни не сводилась только к Ницше. Собственно, ее парадигмы зарождаются в контексте просветительской мысли и через романтиков и Шеллинга переключаются к Шопенгауэру и Ницше. Версией философии жизни был антропологизм Фейербаха и раннего Маркса, эволюционистская линия в европейском позитивизме. Все это – модификации единой парадигмы философии жизни и критикуются, и перекодируются не только в «супраморализме» и «всеобщем синтезе» Н.Ф. Федорова, но и в «космической философии» К.Э. Циолковского (тексты это подтверждают), и в учении о биосфере В.И. Вернадского (особенно это очевидно в его переписке, воспоминаниях о нем и т.д.).

И не концепт «космос» объединяет всех русских космистов (относительно тестов Н.Ф. Федорова его универсальность вообще проблематична, как и для В.И. Вернадского). Именно концепт «жизнь» связывает тексты и идеи всех основных представителей русского космизма. Перед нами национальная, достаточно уникальная версия *русской философии жизни*.

Концепт «жизнь» становится базовым в процессе рационального конструирования и выявления специфики русского космизма как философского направления на рубеже XIX-XX вв. Таким образом, вся базисная *категориально-концептная система* русского космизма

приобретает достаточно *органичную целостность*, что и предполагает, по мысли З.А. Каменского, рациональная реконструкция и конструирование национальной философии или ее отдельных направлений. Столь же логичным и органичным тогда становится и вычленение в контексте мировой и национальной философской традиции в рамках *русской философии космической жизни* как направления *четырех основных философских школ*: религиозно-метафизической «активистской философии космической жизни» (Н.Ф. Федоров и его близкие последователи, евразийцы, в том числе и современные); «натуралистической философии космической жизни» (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, современные антропокосмисты); «техно-органицистская философия космической жизни» (Н.А. Умов, В.И. Вернадский, Н.Г. Холодный, Н.Н. Моисеев, различные «ноосферисты», в том числе и субкультурной ориентации); «религиозно-прагматистская философия космической жизни» (теософия, антропософия, Рерихи, валеология и т.п.).

Разумеется, в круг философской реконструкции могут попадать при такой классификации и категоризации и отдельные писатели и поэты, но при условии, что они *сознательно*, рефлексивно использовали концепты русской философии космической жизни в своем литературно-художественном творчестве. Но они, так или иначе, попадут в круг притяжения этих четырех выделенных *философских школ*.

В **заключении** формулируются главные итоги и выводы диссертации, обозначены нерешенные или решенные схематично проблемы, требующие дальнейшего научного поиска.

По теме исследования опубликованы следующие работы автора:

Статьи в журналах из списка ВАК

1. Русский космизм между культурно-идеологическим конструированием и философско-теоретической реконструкцией // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №14 (133). – Вып. 21. – Белгород, 2012. – С. 16-31 (в соавт.).

2. К проблеме экспликации и рационализации концепта «русский космизм» // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №14 (133). – Вып. 21. – Белгород, 2012. – С. 32-36.

Статьи и материалы конференций

3. Аксиологические основания и направления русского космизма // Методологическая и мировоззренческая культура: проблемы исследования и опыт преподавания: Сборник статей. Ч.4. – Белгород: Кооперативное образование, 2006. – С. 106-116.

4. Духовно-нравственное возвышение человека как идеал русского космизма // Материалы региональной научно-практической конференции «Интеграция науки, практики и образования потребительской кооперации». – Белгород: Кооперативное образование, 2006. – С. 124-128.

5. Духовно-нравственные идеалы русского космизма // Материалы региональной научно-практической конференции «Интеграция науки, практики

и образования потребительской кооперации». – Белгород: Кооперативное образование, 2006 – С. 129-134.

6. Космизм в социокультурном и философском осмыслении // Материалы региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов «Актуальные проблемы и перспективы развития российской кооперации». – Белгород: Кооперативное образование, 2007. – С. 213-221.

7. Русский космизм в системе гуманитарного и социально-экономического образования // Материалы региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов, посвященная 30-летию создания Белгородского университета потребительской кооперации «Место и роль кооперации в российской экономике». – Белгород: Кооперативное образование, 2008. – С. 135-141.

8. Идеал общественного устройства в социокультурном измерении русских космистов Сборник материалов конференции «Методологическая и мировоззренческая культура: проблемы исследования и опыт преподавания». Выпуск 5. – Белгород: БУПК, 2008. – С. 98-106.

9. Ноосферные идеи в космизме и в современной науке // Инновационные технологии в кооперативном образовании как фактор развития экономики: Сборник материалов конференции. – Белгород: БУПК, 2009. – С. 70-77.

10. Козволюция биосферы и человечества как условие устойчивого общественного развития в концептуальном контексте русских космистов // Структура, институты и процессы российского общества: Сборник научных статей БУПК по проблемам социологии: Выпуск 1. – Белгород: БУПК, 2010. – С. 373-382.

11. Русский космизм как способ трансформации ценностей в системе образования // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика инновационного развития кооперативного образования и науки». – Белгород: БУПК, 2010. – С. 123-128.

12. Философско-методологическое истолкование русского космизма // Структура, институты и процессы российского общества: Сборник научных статей БУПК по проблемам социологии: Выпуск 2. – Белгород: БУПК, 2011 – С. 333-351.

13. К проблеме концептуализации культурно-идеологического конструкта «русский космизм» // Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире: материалы VI Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 14 апр. 2011 г. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. – С. 125-128 (в соавт.).

14. Социокультурная роль русского космизма в современной науке // Материалы международной научно-практической конференции «Наука и кооперация: проблемы и пути развития». – Белгород: БУКЭП, 2011. – С. 117-122.

15. Судьба термина «русский космизм» // Идеи К.Э.Циолковского: прошлое, настоящее, будущее: материалы XLVII Научных чтений памяти К.Э.Циолковского – Калуга: Издательство «Эйдос», 2012 – С. 47-51 (в соавт.).

Подписано в печать 28.09.2012. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 269.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

